

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

Елена Константиновна БЛИНОВА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48, корпус 6
Профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства
Доктор искусствоведения, профессор
E-mail: elena-blinova@yandex.ru

Ольга Сергеевна САПАНЖА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48, корпус 6
Профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства
Доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0001-7874-2539
E-mail: sapanzha@mail.ru

БЫТОВАЯ КЛАССИКА КАК ФЕНОМЕН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье предлагается анализ феномена «бытовой классики», нашедший отражение в продукции промышленных предприятий, имеющей бытовое назначение. В пространстве повседневной культуры Ленинграда конца 1940-х – первой половины 1960-х гг. происходят изменения, связанные с новым форматом осмысления прошлого в рамках советской идеологии позднего сталинизма, с одной стороны, и условиями, в которых развивался Ленинград с другой (ленинградское дело, разгром музея обороны Ленинграда, рост города за счет новых трудовых резервов). Итогом стало появление серии предметов в ассортименте ленинградских предприятий (Завода эмалированной посуды № 1, первой Ленинградской кондитерской фабрики, завода «Ленэмальер», Ленинградского фарфорового завода им. М.В. Ломоносова, Ленинградского завода фарфоровых изделий), сочетающих сугубую промышленную утилитарность и признаки декоративного использования. Основным мотивом предметов практического назначения (кухонные банки для сыпучих продуктов, эмалированные кружки, упаковка, шкатулки, флаконы) становятся памятники классической архитектуры Петербурга XVIII–XIX веков. Решенные в соответствии с требованиями реализма и помпезности, присущей большому стилю, в конце 1940-х –

1950-е гг. и требованиями декоративного минимализма в 1960-е годы, они представляли образы имперского города – Петропавловскую крепость, здание Биржи, Академию Художеств, Адмиралтейство и современную архитектуру, вписанную с историческое пространство – наземные павильоны станций ленинградского метрополитена «Площадь Восстания», «Нарвская», «Автов» во второй половине 1950-х годов и архитектуру модернизма (здание Финляндского вокзала) в 1960-е годы. Подчиняясь общим требованиям изменения стиля, они становились носителями важной идеи города – хранителя исторической традиции, пространства эталонной архитектуры, даже в новейших постройках, и в то же время решали проблему приобщения к высокой культуре «новых горожан», составивших важную часть демографической картины Ленинграда в 1950–1960-е годы.

Ключевые слова: бытовая классика, ленинградский стиль, культура повседневности, Ленинград, повседневная культура Ленинграда, промышленное искусство, Завод эмалированной посуды №1, Первая Ленинградская кондитерская фабрика, завода «Ленэмальер», Ленинградский фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова, Ленинградский завод фарфоровых изделий.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

Культура Ленинграда послевоенного двадцатилетия представляет интересный материал для анализа. Те признаки «советского», которые сложились в период 1945–1965 гг., в значительной степени определили последующие этапы развития культуры города и сформировали вполне уникальное пространство культурных практик.

Одной из таких практик является феномен, который условно можно определить как «бытовую классику» – тиражирование в предметах быта, имеющих отношение к области практического жизнеобеспечения (утварь, упаковка, бытовая косметика), классических памятников города, относящихся, по большей части, к истории имперского Петербурга.

Причины появления тиражных утилитарных вещей с классическими сюжетами связаны с историческим контекстом развития послевоенного Ленинграда и формируются на пересечении двух тенденций: общих базовых координат советской истории и специфической ситуации, в которой оказался город – колыбель Революции.

Базовые координаты определялись общими чертами развития государства на рубеже 1940–1950-х гг. – в эпоху, которую Е. Добренко определяет как «вершину сталинизма»¹. Отмечая недостаточный интерес к этому периоду историков и культурологов, отдающих предпочтение изучению 1930-х гг., он выделяет новые черты, которые приобрело государство в этот период. Одной из важнейших черт, наряду с осмыслением нового имперского статуса в Во-

сточной Европе и новым статусом сверхдержавы, стал радикальный поворот к прошлому.

Этот поворот, начавшийся в конце 1930-х годов, на рубеже 1940–1950-х гг. приобрел законченные формы. Характеризуя состояния общества эпохи позднего сталинизма европейские историки используют формулу «между реконструкцией и изобретением»². После Войны было совершенно очевидно, что необходимо серьезное «изобретение» нового формата жизни. Этот формат был основан именно на «реконструкции», основу которой составили трансформированные практики имперской культуры XIX века – в образовании (от содержания программ до визуализации в школьной форме), науке, бытовых традициях. Как отмечает Е. Добренко «революционная футурапривлеченность довоенного сталинизма полностью исчерпалась»³, необходим был новый вектор развития, который обратили в прошлое. Важной чертой советской культуры была дереализуемая современность, которая вытеснялась как единственная ощущаемая реальность и заменялась конструктами. Этими конструктами в 1920–1930-е годы были образы будущего, в послевоенные годы ими стали образы былого. Главным убежищем становится сакрализация «великого прошлого»⁴.

На первый взгляд, ряд исторических событий послевоенной истории Ленинграда подтверждают этот тезис. Среди ключевых событий стоит назвать возвращение исторических

¹ Добренко, Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Монография. Том 1. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2020. – С. 12.

² Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention / Ed. by Furst J. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2006. – XIV, 287 p.

³ Добренко, Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Монография. Том 1. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2020. – С. 29.

⁴ Там же.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

названий улицам города, победившего Блокаду. 13 января 1944 года Исполнительный Комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся принял решение «О присвоении прежних названий некоторым ленинградским улицам, проспектам и площадям». Решение объяснялось следующим образом: «прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего обеспечивают нормальные внутригородские связи»⁵. Были восстановлены наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города: Проспект 25 Октября – Невский проспект, Улица 3 Июля – Садовая улица, Проспект Красных Командиров – Измайловский проспект, Площадь Красных Командиров – Измайловская площадь, Площадь Памяти жертв революции – Марсово поле, Площадь имени Воровского – Исаакиевская площадь, Площадь имени Плеханова – Казанская площадь, Проспект имени Володарского – Литейный проспект, Проспект имени Нахимсона – Владимирский проспект, Проспект Карла Либкнехта – Большой проспект, Улица имени Розы Люксембург – Введенская улица, Набережная имени Рошаля – Адмиралтейская набережная, Проспект имени Рошаля – Адмиралтейский проспект, Улица имени Слуцкого – Таврическая улица, Советский проспект – Суворовский проспект, Проспект Пролетарской Победы – Большой проспект, Проспект Мусоргского – Средний проспект, Проспект Железняка – Малый проспект, Площадь

Урицкого – Дворцовая площадь, Набережная 9 Января – Дворцовая набережная.

Такое демонстративное возвращение вполне укладывается в схему сакрализации «великого прошлого», тем не менее, в Ленинграде это была лишь одна из граней организации новой жизни. По меньшей мере еще два события определили статус послевоенного Ленинграда, который Лев Озеров поэтично определил как «великий город с областной судьбой»⁶. Первое событие – это Ленинградское дело, второе (связанное с первым) – разгром музея обороны Ленинграда. Связь этих событий вполне очевидна: «Бесспорным представляется факт, что местные ленинградские планы по празднованию победы в войне и подвига во время блокады потерпели крах в 1949 г. после начала «Ленинградского дела». Ленинградский институт истории партии был разгромлен, местные книги и брошюры о войне – забраны, а Музей обороны Ленинграда – ликвидирован»⁷.

История самого музея началась в декабре 1943 года с постановления Военного совета Ленинградского фронта № 1823 «Об организации выставки “Героическая защита Ленинграда”». В

⁶ Как трудно расставаться мне с тобой,
Великий город с областной судьбой.
Всё, что смогли, забрали мы в Москву,
Но невскую забыли синеу.
В вагоны не грузили мы пока
Иглу, упёршуюся в облака.
И ночи белые на северной земле
Мы не сумели увезти в «Стреле».

Озеров, Л.А. Дороги новый поворот. Книга стихов. – М.: Издательство «Советский писатель», 1965. – 172 с.

⁷ Бранденбергер, Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. – 2016. – №3. – С. 175–176.

⁵ Решение Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 13 января 1944 года опубликовано в газетах «Смена» и «Ленинградская правда».

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

апреле 1944 года открылась выставка «Героическая оборона Ленинграда», в октябре 1945 года выставка была переименована в Музей обороны Ленинграда, который получил статус музея республиканского значения. 27 января 1946 года состоялось торжественное открытие. В 1949 году музей был закрыт для публики, в августе 1951 года вышло постановление Совета министров СССР за № 3216–1523 о передаче помещений музея военному ведомству, в январе 1953 года – распоряжение Совета министров РСФСР от № 239-р о расформировании Музея обороны Ленинграда.

Такое переплетение двух векторов – сакрализация прошлого, связанная с презентацией культурного наследия, и одновременное понижение статуса города, привели к интересным результатам.

Не будем забывать еще об одной важной черте Ленинграда конца 1940-х – 1950-х гг. – демографическом составе города. К началу Войны население Ленинграда составляло почти 3 млн. человек, в 1945 году – меньше миллиона. Затем начался рост населения за счет новых трудовых резервов (1946 год – 1.541.000 чел.; 1947 год – 1.920.000 чел.; 1948 год – 1.998.000 чел.; 1949 год – 2.218.000 чел.). В 1955 году в городе проживало 2.797.000 чел. По переписи населения 1959 года число жителей составило 2.900.000 чел. В 1960 году в Ленинграде проживало 2.934.000 жителей, в 1965 году – 3.239.000 чел.⁸

Послевоенный период, в целом, был временем быстрого роста городов. Е. Андреева метко определяет этот процесс как формирова-

ние «концепции полисной жизни»⁹, стремительного увеличения количества горожан в первом-втором поколении. Эти люди – новая советская интеллигенция (учителя, врачи, инженеры) и простые рабочие, хотели украсить свой пока небогатый, но уже хоть немного устойчивый быт, создать уютное пространство квартиры или, чаще, комнаты в коммунальной квартире. Новая промышленность, взявшая на вооружение лозунг «Искусство – в быт», должна была предложить этим новым горожанам новые формы организации среды.

Отметим также, что после значительных потерь Ленинград приобретает совершенно новое «лицо». М. Туровская отмечает: «... война физически нарушила экологию культуры, в 1930-е годы еще достаточно многосоставной. Уходили из жизни носители старой образованности, гибли в печках-«буржуйках» уцелевшие в революцию библиотеки и мебель, исчезали из обихода предметы быта»¹⁰.

Это изменение состава населения, окончательное вытеснение «бывших», – носителей традиций дореволюционной культуры, появление новых горожан в первом-втором поколении было важной составляющей нового портрета города. Оно совпало с требованиями нового эстетического идеала – монументального и величественного. М. Туровская продолжает: «именно в послевоенное время конституировалась и приобрела окончательный вид эстетическая система сталинского «ампира». Стиль богатства державы-победительницы становился эстетической нормой»¹¹.

⁸ Антонова, М.В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы (на материалах Ленинграда). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб, 2010. – С. 3.

⁹ Андреева, Е.Ю. Стратегия полисной жизни. Идеология и эстетика советского искусства второй половины 1950-х – 1960-х гг. в Ленинграде // Искусствознание. – 2017. – № 4. – С. 174.

¹⁰ Туровская, М. Blow Up, или Герои безгеройного времени. – М.: МИК, 2003. – С. 237.

¹¹ Там же. С. 237.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

Требования высокого стиля стали частью программы формирования «культурного советского человека» – получившего советское образование, знающего основы классической литературы, новинки советского балета, покупающего фарфор для создания индивидуального и одновременно типичного интерьера. Элементы стиля были репрезентацией – «это было явление стиля, а не жизни, где существовали карточки, «коммерческие» магазины, почти тотальный дефицит»¹², но, включенные фрагментами в пространство обыденного, они формировали рамку понимания культуры и представляли историческое прошлое как актуальную часть жизни.

Итак, конкретно-историческая ситуация, на основе которой шло формирование модели повседневной культуры Ленинграда на рубеже 1940-1950-х гг., определялась следующими обстоятельствами исторического порядка:

– специфика позднего сталинизма с ориентацией на прошлое как историческую основу формирования новой советской нации;

– историческая судьба Ленинграда, связанная с ленинградским делом, разгромом и закрытием музея обороны Ленинграда;

– демографическая ситуация Ленинграда, увеличение численности города за счет новых трудовых резервов-горожан в первом втором поколении.

Обращение к своду памятников классической архитектуры Петербурга в декоративном и промышленном искусстве Ленинграда видится в этой связи вполне естественным, решающим сразу несколько задач – знакомство с культурным наследием города новых горожан и жителей страны, создание особого ленинградского стиля, основанного на обращении к классическому наследию, осмысление художе-

ственными и бытовыми средствами роли этого наследия.

Памятники классической архитектуры Петербурга появляются в фарфоровых композициях, в книжной графике, авторском искусстве. Это явление можно было бы считать вполне закономерным продолжением общей линии интереса художников, начало которой положили еще представители «Мира искусства». Но отдельным феноменом становится «бытовая классика» – изображение города на сугубо утилитарных, бытовых вещах. Задачи при этом решались схожие с поправкой на характер предметов;

– знакомство в наиболее доступной форме населения Ленинграда с культурным историческим пространством города (неизвестно, когда горожанин попадет в музей или отправится в театр, а жестяную банку для хранения крупы на кухне или коробку шоколадных конфет или монпансье, скорее всего, купит);

– формальное соответствие новому курсу на освоение памятников культуры прошлого, которое одновременно решало и задачу репрезентации «скрытого послания» культуры города с великим прошлым, которое предъясняется в неожиданных сочетаниях – на утилитарных предметах.

Пожалуй, самым ярким примером феномена «бытовой классики» является продукция завода эмалированной посуды Ленинграда № 1, располагавшегося на ул. Новгородской¹³.

Жестяные банки для чая, сахара, соли, круп и других сыпучих продуктов выпускались в 1950-е годы не просто значительными, а мил-

¹² Там же.
¹³ Завод функционировал в Ленинграде с начала 1950-х гг. До 1968 года носил название Завод Эмалированной Посуды № 1 (Новгородская ул., 14). С 1968 года – Завод «Эмальпосуда» (Управления Местной Промышленности Ленгорисполкома). В 1970 году завод вошёл в ПО «Металлопосуда».

¹² Там же.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

лионными тиражами. В фильмах «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Брильянтовая рука» (1968) появляются такие банки с изображением Петропавловской крепости и решеткой Летнего сада.

Банки для сыпучих продуктов. Завод эмалированной посуды № 1. 1950-е гг.

Три стороны жестяной банки украшают памятники классической архитектуры и скульптуры Петербурга – Адмиралтейство, Медный всадник, Биржа, Ростральные колонны, Петропавловская крепость. Классические образы соседствовали с бытовыми надписями «чай», «кофе», «пшено», «лапша», «горох», «мука», «лавровый лист». Изображения памятников Ленинграда не только реалистичны, но даже несколько помпезны, однако контраст изображаемых значительных памятников Ленинграда и заурядных кухонных надписей не составляет контраста – и картинка, и надпись вполне гармоничны. При том, что банки стилистически тяготеют к «большому стилю», их утилитарная составляющая не страдает – кубическая форма с откидывающейся крышкой станет классической для советских емкостей хранения сыпучих продуктов.

Банка «Лапша» с изображением Биржи. Завод эмалированной посуды № 1. 1950-е гг.

С наступлением оттепели и формированием принципов декоративного минимализма эта устоявшаяся форма не меняется, но изображение трансформируется. Помпезная картинка, расположенная на стороне банки, исчезает, а всю поверхность занимает геометрический меандровый орнамент. Памятник же становится лишь небольшой, но изящной эмблемой – локальным изображением Сфинкса на набережной около Академии Художеств или моста Ломоносова. Так, даже в бытовой вещи, происходит переход от эстетики большого стиля к стилю современному. Новый декоративизм берет на вооружение горох и полоски, и в поздний

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

советский период банки, выпускавшиеся на ленинградском заводе (чаще всего синие или красные), уже визуально не связаны с образами города.

Тем не менее, даже в 1960-е годы «бытовая классика» полностью не уходит, уживаясь и с декоративным минимализмом, и с новым декоративизмом. Августом 1966 года датирован выпуск эмалированной кружки завода эмалированной посуды №1. Кружка являет эталонный пример «бытовой классики» – максимально утилитарная вещь, не претендующая на изысканность или даже стиль, украшена силуэтом шпиля Адмиралтейства.

Банка для сыпучих продуктов (Завод эмалированной посуды №1) и настольная пудреница (Завод «Ленэмальер») с изображением павильона станции метро «Автово». 1950-е гг.

Похожее сочетание утилитарного и высокого демонстрирует продукция завода «Ленинградский эмальер»¹⁴. Наиболее близки к банкам для хранения продуктов выпускаемые заводом Ленэмальер подстаканники с эмалированными медальонами. На медальонах – изоб-

¹⁴ Кооперативная промыслово-производственная артель «Ленинградский Эмальер» была создана в 1929 году. Предприятие называлось артелью до 1956 года, после этого оно было переименовано в завод «Ленэмальер», в 1960-е годы завод был выведен из ювелирной промышленности.

ражение тех же классических памятников Ленинграда (Медный всадник, решетка Летнего сада). Вполне утилитарны были и выпускаемые на заводе пудреницы – настольные и портативные.

На банках, подстаканниках и пудреницах, выпускаемых ленинградскими промышленными предприятиями, преобладают классические памятники Петербурга XVIII–XIX веков. Тем не менее, памятники нового Ленинграда также встречаются. Это, прежде всего, павильоны станций метрополитена. Первая линия метрополитена в Ленинграде была запущена осенью 1955 года, и это стало важнейшим событием культурной жизни города. Наземные павильоны красной линии стилистически вели диалог со сложившимся пространством города – Нарвскими воротами на станции «Нарвская», ансамблем Невского проспекта и площади Восстания на станции «Площадь Восстания», а потому на банках, подстаканниках и пудреницах они вели диалог с памятниками архитектуры XIX века как наследники классической традиции. Так, на банке для хранения сыпучих продуктов и на пудренице завода «Ленэмальер» – павильон станции метро «Автово».

Похожие примеры «бытовой классики» встречаются в оформлении упаковки – например, на коробках конфет. Таковы жестяные коробки конфет (с видом Академии Художеств) или бумажные коробки шоколадных конфет Первой Ленинградской кондитерской фабрики с видами Петергофа. Упаковка была не только утилитарной – она сохранялась и использовалась для хранения ниток, пуговиц, мелких вещей, то есть, имела и самостоятельный характер, а потому соответствовала общим требованиям стиля. Интересная деталь – на коробке набора шоколадных конфет, в которой, судя по надписи, хранились шелковые нитки, выпу-

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

щенной в 1960 году (штамп ОТК датирован 14 марта 1960 года), представлен Большой каскад, который фактически только что был открыт после реставрации: «К 1955 г. в Петродворце были восстановлены 126 фонтанов Нижнего парка со всей скульптурой и декоративными бронзовыми украшениями и вазами, в том числе три каскада. К этому же времени были в основном восстановлены фасады Большого Петергофского дворца (южный фасад еще не сделали), кровля с куполами и луковицами, завершился ремонт Корпуса под Гербом. Были восстановлены павильон Эрмитаж, Банный корпус Монплезира, Петровская оранжерея, фасад с кровлей дворца Марли»¹⁵. Фактически, на коробке конфет представлен классический комплекс, который еще не видело большинство горожан и это было своеобразное представление итога восстановительных работ.

Коробка шоколадных конфет. Первая ленинградская кондитерская фабрика. 1960 год.

Коробка шоколадных конфет. Первая ленинградская кондитерская фабрика. 1960 год.

Наконец, интересные примеры феномена «бытовой классики» представляют произведения утилитарного фарфора, который выпускался на двух крупнейших ленинградских предприятиях – Ленинградском фарфоровом заводе им. М. Ломоносова (ЛФЗ) и Ленинградском заводе фарфоровых изделий (ЛЗФИ).

К 40-летию Октябрьской революции на ЛЗФИ была выпущена шкатулка с корабликом. Крышка увенчана символом Ленинграда, а сама шкатулка украшена изображениями Смольного института – штаба Октябрьской Революции. В одном из вариантов росписи римскую цифру сорок образуют гроздь салюта. Умеренная по-

¹⁵ Петров, П.В. Восстановление дворцов и парков Петродворца в 1940-1950-е гг.: основные направления и проблемы // Вестник СПбГУКИ. – № 1(30). – март. – 2017. – С. 89–95, 93.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

золота придает нарядность шкатулке, но общая сдержанность фигурного решения и росписи позволяет вписать ее в любой интерьер. Примечательная и дарственная надпись «Зиночке от Виктора», которая является примером классического инскрипта – рукописной дарственной надписи. Эта традиция классической культуры, примета того самого исторического поворота, в послевоенный период стала повсеместной, а традиция гравировки на фарфоре, выполненной как бы «от руки», с росчерками и вензелями, – массовой.

Фарфоровая шкатулка «40 лет Октября» (Ленинградский завод фарфоровых изделий, 1957 год) и флакон «50 лет Октября» (Ленинградский фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова, 1967 год).

Немаловажен и выбор архитектурных и скульптурных памятников, к которым обращаются мастера. Здание Смольного института благородных девиц в данном случае тематически связано с юбилеем, на который отзывалось предприятие, но одновременно оно представляет и историческое архитектурное пространство города, связывающее Ленинград с петербургским периодом. Такая апелляция к истории вполне отчетлива в серии флаконов и шкатулок (три предмета), созданной на заводе во второй половине 1950-х гг. Граненые формы флаконов

и сдержанная синяя роспись придают комплекту благородный «ленинградский» вид. И снова в росписи встречаются образы Ленинграда – в данном случае произведения украшает решетка Летнего сада.

Шкатулка с корабликом при всей сдержанности тяготеет к большому стилю, что особенно заметно при сравнении этой вещи с юбилейным флаконом, созданным к следующему, 50-летию юбилею Октября на ЛФЗ. Юбилейный флакон уже в полной мере отражает эстетику современного стиля и в выборе простой формы, и в росписи (стилизованные деревья Биржевого сквера и силуэт Ростральной колонны). Тем не менее, упомянутый диалог исторического и современного, использование силуэтов наземных станций ленинградского метрополитена, применяемый в оформлении банок и пудрениц, здесь находит новое продолжение. Парой к флакону с ростральной колонной является флакон с изображением здания Финляндского вокзала. Аналогия, столь же очевидная, как с изображением Смольного, в то же время указывает на новый вектор развития современного стиля в его решении вопроса диалога классики и современности, который Б. Кириков обозначает как образец «пилоного ордера» – характерное для своего времени сочетание модернизма и неоклассики¹⁶.

Такое внимание к мотивам города вполне можно анализировать в рамках проблематики так называемого «ленинградского стиля» – совокупности художественных принципов, репрезентируемых в работах ленинградских мастеров декоративного и промышленного искусства, детерминированных эстетическими, духовными, социальными обстоятельствами развития художественной культуры Ленингра-

¹⁶ Финляндский не выявили // Санкт-Петербургские ведомости» № 18 (7101) от 02.02.2022.

Елена Константиновна БЛИНОВА, Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры |

да¹⁷. При этом кажется недостаточным рассматривать этот мотив только как проявление развития художественных принципов организации произведений промышленного искусства. Очевидно, что феномен «бытовой классики» в повседневной культуре города конца 1940-х – первой половины 1960-х гг. имеет более широкие основы и является частью концепции организации среды, реализации лозунгов воспитания советского человека и отражением исторической ситуации развития Ленинграда.

Список литературы

Андреева, Е.Ю. Стратегия полисной жизни. Идеология и эстетика советского искусства второй половины 1950-х – 1960-х гг. в Ленинграде // Искусствознание. – 2017. – № 4. – С.174-189.

Антонова, М.В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб. – 2010. – 23 с.

Бранденбергер, Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. – 2016. – №3. – С. 175–176.

Добренко, Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Монография. Том 1. – М.: Новое Литературное Обозрение. – 2020. – 690 с.

Петров, П.В. Восстановление дворцов и парков Петродворца в 1940–1950-е гг.: основные направления и проблемы // Вестник СПбГУКИ. – № 1(30). – март. – 2017. – С. 89–95.

Степанова, Д.Г. «Ленинградский стиль» в декоративном и промышленном искусстве: введение в проблему // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. Научно-теоретический журнал. – 2020. – № 4. – С. 44-51. DOI [10.24411/2686-7443-2020-14005](https://doi.org/10.24411/2686-7443-2020-14005)

Туровская, М. Blow Up, или Герои безгеройного времени. – М.: МИК. – 2003. – 288 с.

Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention / Ed. by Furst J. Routledge, 2006. – XIV. – 287 p.

¹⁷ Степанова, Д.Г. «Ленинградский стиль» в декоративном и промышленном искусстве: введение в проблему // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. Научно-теоретический журнал. – 2020. – № 4. – С. 44–51. С. 50. DOI [10.24411/2686-7443-2020-14005](https://doi.org/10.24411/2686-7443-2020-14005)

Elena K. BLINOVA, Olga S. SAPANZHA

| Household classics as a phenomenon of Leningrad culture after the Second World War |**Elena K. BLINOVA**

Herzen State Pedagogical University of Russia
 Moika Emb. 48, Saint Petersburg, Russian Federation 191186
 Professor, Department of History of Art and Art Education
 Doctor of Science (Art History), Professor
 E-mail: elena-blinova@yandex.ru

Olga S. SAPANZHA

Herzen State Pedagogical University of Russia
 Moika Emb. 48, Saint Petersburg, Russian Federation 191186
 Director, Institute of Art Education
 Professor, Department of History of Art and Art Education
 Doctor of Science (Cultural Science), Professor
 ORCID 0000-0001-7874-2539
 E-mail: sapanzha@mail.ru

HOUSEHOLD CLASSICS AS A PHENOMENON OF LENINGRAD CULTURE AFTER THE SECOND WORLD WAR

An analysis of the phenomenon of "household classics", which was reflected in the products of industrial enterprises that have a household purpose, is presented in paper. Changes associated with the new format of understanding the past within the framework of the Soviet ideology of late Stalinism take place in the space of the everyday culture of Leningrad in the late 1940s – the first half of the 1960s. The conditions for the development of Leningrad (the Leningrad case, the destruction of the Leningrad Defense Museum, the growth of the city due to new labor reserves) is the other side of the processes. The appearance of a series of items in the assortment of Leningrad enterprises (Enamelware Factory №1, the first Leningrad confectionery factory, the Lenemalier factory, the Lomonosov Leningrad Porcelain Factory, the Leningrad Porcelain Factory), combining purely industrial utility and signs of decorative use, was result. Monuments of the classical architecture of St. Petersburg of the 18th-19th centuries were the main motive for practical items (kitchen jars for bulk products, enamel mugs, packaging, caskets, bottles). They were in line with the requirements of realism and pomposity inherent in the grand style in

the late 1940s and 1950s. and the demands of decorative minimalism in the 1960s. Images of the imperial city (the Peter and Paul Fortress, the Stock Exchange building, the Academy of Arts, the Admiralty) and modern architecture (ground pavilions of the Leningrad metro stations Ploshad Vosstaniya, Narvskaya, Avtovo in the second half of the 1950s and the architecture of modernism as the building of the Finnish Railway station in the 1960s) they represented. The general requirements of the style change were the basis. An important idea of the city – the custodian of the historical tradition, the space of reference architecture was presented in them. On the other hand, the problem of introducing the "new townspeople" to the high culture, which constituted an important part of the demographic picture of Leningrad in the 1950s-1960s, was solved by these things.

Key words: household classics, Leningrad style, culture of everyday life, Leningrad, everyday culture of Leningrad, industrial art, Enamelware Factory №1, First Leningrad Confectionery Factory, Lenemalier Factory, Lomonosov Leningrad Porcelain Factory, Leningrad Porcelain Factory.

Elena K. BLINOVA, Olga S. SAPANZHA

| Household classics as a phenomenon of Leningrad culture after the Second World War |**References**

Andreeva, E.Yu. (2017). Strategiya polisnoj zhizni. Ideologiya i estetika sovetskogo iskusstva vtoroj poloviny` 1950-x – 1960-x gg. v Leningrade [Policy life strategy. Ideology and aesthetics of Soviet art in the second half of the 1950s – 1960s. in Leningrad] *Iskusstvoznanie*, 4, 174–189. (in Russian).

Antonova, M.V. (2010). Sovetskaia sotsial'naia politika: semeino-bytovoi aspekt. 1950–1960-e gody (na materialakh Leningrada). [Soviet social policy: family and household aspect. 1950–1960s (on the materials of Leningrad)] *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. SPb.* 23. (in Russian).

Brandenberger D. (2016) «Repressirovannaia» pamiat'? Kampaniia protiv leningradskoi traktovki blokady v stalinskom SSSR, 1949–1952 gg. (na primere Muzeia oborony Leningrada) ["Repressed" memory? Campaign against the Leningrad interpretation of the blockade in the Stalinist USSR, 1949–1952 (on the example of the Leningrad Defense Museum)] / *Noveishaia istoriia Rossii.* №3. 175–176. (in Russian).

Dobrenko, E. A. (2020). Pozdnii stalinizm. Estetika politiki. [Late Stalinism. Aesthetics of politics]. *Mono-grafiia. Tom 1. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie.* 690. (in Russian).

Petrov, P.V. (2017). Vosstanovlenie dvortsov i parkov Petrodvortsa v 1940–1950-e gg.: osnovnye napravleniia i problem [Restoration of the Palaces and Parks of Petrodvorets in the 1940s–1950s: Main Directions and Problems] // *Vestnik SPbGUKI.* № 1(30). 89–95. (in Russian).

Stepanova, D.G. (2020). «Leningradskij stil'» v dekorativnom i promy'shленном iskusstve: vvedenie v problemu ["Leningrad style" in decorative and industrial art: an introduction to the problem] *Novoe iskusstvoznanie. Istoriiya, teoriya i filosofiya iskusstva. Nauchno-teoreticheskij zhurnal,* 4, 44–51. <https://doi.org/10.24411/2686-7443-2020-14005> (in Russian).

Turovskaia, M. (2003). Blow Up, ili Geroi bezgeroinogo vremeni. [Blow Up, or Heroes of Heroless Time] *M.: MIK,* 288. (in Russian).

Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention (2006). / Ed. by Furst J. *Routledge.* XIV, 287.

